

К. В. Чистов

ФОЛЬКЛОР И КУЛЬТУРА ЭТНОСА *

Всестороннее обсуждение проблемы, обозначенной в заглавии, потребовало бы уточнения представлений, которые вкладываются в термины «фольклор», «культура» и «этнос». В рамках настоящей статьи это, разумеется, невозможно. Поэтому мы ограничимся указанием на то, что термин «этнос» мы употребляем в дальнейшем в понимании и истолковании, установившемся в последние годы в советской науке¹, а термин «культура» — в соответствии с обычной практикой этнографии, не вдаваясь в теоретическое осмысление этого сложного явления. Что же касается термина «фольклор», то необходимы некоторые разъяснения.

Не претендуя на определение, заметим, что «фольклором» мы будем называть совокупность словесных текстов, вошедших в устную бытовую традицию того или иного этноса или уже — какой-либо локальной, профессиональной и т. п. общности. Одним словом, в соответствии с традицией, сложившейся в советской фольклористике, в термин «фольклор» мы будем вкладывать только такое содержание, оставляя в стороне обряды, народные знания, верования, изобразительное искусство и т. п., несмотря на то, что в некоторых странах они тоже включаются в состав фольклора.

Хоть мы и будем говорить о словесных текстах, в дальнейшем подразумевается, что функционирование фольклора (т. е. произнесение текста и его восприятие) означает, с одной стороны, интегрирующую роль слова и, с другой — полиэлементность текста, т. е. синкретическое сочетание слова как такового с интонацией (напевом), мимикой, жестом (танцем) и т. п.²

Фольклор — явление неоднородное, и его состав, структура и функции исторически менялись. В процессе развития духовной культуры параллельно с фольклором возникали и развивались такие ее формы и виды, которые выполняли функции, изначально свойственные фольклору или влиявшие на состав и иерархическую структуру его функций. Поэтому роль и место фольклора в культуре этноса обуславливались каждый раз историческим типом конкретной системы духовной культуры, в составе которой он возникал или продолжал существовать и функционировать.

Подчеркнем, что в настоящей статье мы отнюдь не претендуем на общую периодизацию духовной культуры и, тем более, не характеризуем причин и факторов, обусловивших ее историческую динамику. Наша

* Опубликовано в более кратком изложении на английском языке в качестве доклада на X МКАЭН в сб.: «Soviet Studies in Ethnography». — «Problems of the Contemporary World», № 72, М., 1978, p. 76—87.

¹ См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973. •

² В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. Л., 1967.

задача значительно уже — подчеркнуть некоторые типологические особенности структуры духовной культуры на крупных участках ее исторического развития для выявления роли и места фольклора в ее системе. Термин «стадия» в специфическом контексте данной статьи означает определенный тип соотношения фольклорных и, условно говоря, нефольклорных форм и видов духовной культуры.

Для обществ архаического типа характерно нерасчлененное, синкретическое состояние духовной культуры. Фольклорные формы, в том числе и те, которым была свойственна эстетическая функция в ее архаических разновидностях (очень часто вторичная и не доминирующая), были теснейшим образом переплетены с разнохарактерными комплексами, в ходе исторического развития породившими самые различные ветви духовной культуры — обряды, верования, религию, мифы, исторические представления, науку, песни, нарративные, т. е. повествовательные, жанры и т. д.³ Следовательно, для этой стадии фольклором можно считать все формы духовной культуры, связанные с языком, или точнее — все традиционные тексты, образующие вторичные языковые моделирующие системы.

В последнем варианте определения фольклора в его архаическом состоянии мы имели в виду подчеркнуть вторичность фольклорных текстов по отношению к языку. Нефольклорная речевая деятельность порождает тексты, которые условно можно назвать «разовыми» и которые не образуют традиции как таковой. Функционирование же фольклора осуществляется путем трансмиссии не только средств и способов (=правил) организации (порождения) текстов, но и самих текстов. Вместе с тем граница между фольклорными и нефольклорными языковыми явлениями (или соответственно — между функционированием фольклора и нефольклорной речевой деятельностью) уже на этой стадии представляет собой не глухую стену, а полосу перехода. Устойчивые словосочетания или фразеологические сращения (особенно если они употребляются в переносном значении или приобретают общую мотивировку⁴), неизбежно возникающие в речевой деятельности любого этноса⁵, играют роль стабилизаторов речевого поведения. Они могут с равным основанием рассматриваться в двух аспектах: а) как органические результаты речевой практики, накапливающиеся в языке, и б) как элементарные фольклорные тексты (так называемые речевые жанры фольклора), которые функционируют в составе «разовых» текстов, не закрепляющихся в традиции. Характернейшие свойства подобных элементарных текстов (устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, поговорок, пословиц и других речевых стереотипов) — реализация потенциальных значений в ходе непрерывного варьирования и наличие сильных внетекстовых связей (с контекстом высказывания, обрядом и т. п.).

На архаической (синкретической) стадии развития духовной культуры возникают и функционируют весьма сложные по своему составу и структуре системы фольклорных текстов, обслуживающих самые различные потребности общества — коммуникативные, познавательные, социально-классификационные, семиотические, магические, религиозные, этнические, игровые и т. д. Развивая идею В. Я. Проппа⁶, можно было бы сказать, что фольклор на архаической стадии играет интегрирующую роль не только в обрядовой сфере, но и во всей сфере духовной культуры

³ Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. М., 1977; сб. «Ранние формы искусства». М., 1972.

⁴ Г. Л. Пермяков. От поговорки к сказке. Заметки по общей теории клише. М., 1970.

⁵ Ср. стереотипы в любой сфере человеческой деятельности (=поведения, =активности). См. также «Основы теории речевой деятельности». М., 1974.

⁶ В. Я. Пропп. Специфика фольклора. — «Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Секция филологических наук». Л., 1946, с. 138—151.

(включая речевую деятельность), или иначе — роль стабилизатора различных форм деятельности при помощи словесных текстов (напомним при этом, что слово выступает в полиэлементном синкретическом комплексе).

Уже на самых ранних из доступных нашему изучению стадий развития фольклора можно обнаружить как закономерную повторяемость отдельных элементов или комплексов в различных этнических средах, так и локальную и этническую специфику. Что же при этом преобладает?

Фольклористика XIX—XX вв. не дает однозначного ответа на этот вопрос. Более того, история фольклористики — это история борьбы школ, одни из которых акцентируют интернациональную (меж- или суперэтническую) повторяемость, другие — этническую специфику. Однако эта традиционная альтернатива должна быть снята. Для различных уровней каждого фольклорного явления (общие закономерности мышления и психической деятельности, жанровые закономерности, структура сюжета, сюжетика, ее реализация в комплексе определенных мотивов, семантика сюжетов и мотивов, персонажи, реалии, текст и его стилистика и т. п.) характерны различные соотношения общего и особенного (специфического)⁷. Поэтому нельзя считать, что, например, общность сюжета (или даже основного набора мотивов, тоже представленных в схематическом, обобщенном виде) противоречит его этноспецифическому воплощению в реальных текстах. Современная фольклористика осознала это, но она по-прежнему нуждается в теоретически обоснованном различии аффинитета⁸ (т. е. сближения по тем или иным и более или менее абстрактным признакам) и механизма варьирования конкретных текстов, функционирующих в границах той или иной социальной общности (локальная группа, этнос, группа родственных или контактирующих этносов, историко-этнографический регион)⁹. Границы и критерии подобных сопоставлений и определенность их уровня до сих пор все-таки остаются проблематичными. Между тем именно на основе подобных сопоставлений формируются как сюжетно-генетические и семантические предположения, так и предположения об общих закономерностях развития фольклора.

Итак, если изучение фольклора на архаической стадии его развития сопряжено с разнообразными трудностями методического характера (незначительное число достаточно достоверных текстов, проблематичность реконструкции «исходных» форм на основе записей XIX—XX вв., жанровая, идеологическая и иная синкретичность фольклорных форм и т. д.), то определение места и функции фольклора в общей системе культуры на архаической стадии сравнительно просто. Духовная культура архаического типа еще не знает нефольклорных форм, связанных с языком. Все вторичные языковые моделирующие системы, стабилизированные в традиции, фольклорны.

Однако надо иметь в виду, что монофольклорность архаической культуры, о которой мы говорим, не означает абсолютной стабильности и однородности фольклорных явлений в рамках каждого этноса (племени, группы родственных племен и т. п.). Так же как и языки (диалекты), они дифференцированы (или по крайней мере варьируют) не только по половозрастным группам, но и локально. С другой стороны, фоль-

⁷ В отличие от современной лингвистики, которая дифференцирует различные, но однопорядковые уровни, сочетающиеся в синхронной структуре речи (фонологический, лексический, морфологический, синтаксический и т. д.), в фольклористике зачастую смешиваются различные уровни и степени научной абстракции, связанные со сравнительным изучением словесных текстов, обладающих некоторыми общими свойствами (мотив, сюжет, жанр и т. п.).

⁸ G. Orlutay. Principles of oral transmission in folk culture.— «Hungarian folklor. Essays». Budapest, 1972, p. 132—173.

⁹ K. V. Čistov. Die Variabilität als Problem der Theorie der Folklore (Thesen).— «Lětopis». Reihe C, № 19, 1976, S. 22—33.

клорные традиции отдельных этносов, особенно контактирующих, могли еще не выработать достаточно ясных различительных особенностей; они, по-видимому, образовывали некую архаическую непрерывность, многочисленные и перекрывающие друг друга зоны перехода, «вибрации» отдельных признаков и т. д.

В ходе развития культуры архаический период сменяется стадией культурного дуализма (или, по терминологии Ю. Кристевой, «постсинкретическим состоянием»¹⁰), для которой характерна уже не архаическая гомогенная монофольклорность, а параллельное существование бытовых и, условно говоря, «внебытовых» форм духовной культуры, связанных с языком. Под «внебытовыми» формами мы понимаем формы, возникающие за пределами быта первичной контактной социальной группы (в том числе и так называемые «профессиональные» формы) или, наоборот, творимые ею, но «потребляемые» (функционирующие) за ее пределами. В этом смысле духовная культура развивается не обособленно, а по общим законам развития, охватывающим и материальную культуру, и сферу социальной организации общества. Так, на этой стадии параллельно с традиционными верованиями и обрядами возникают церковь и теология, параллельно с традиционно-народными знаниями — наука, с фольклором — литература, с общинной организацией и родственными связями — государство, с домашними промыслами — ремесла, которые изготавливают продукцию на продажу, наряду с традиционным народным искусством — профессиональное искусство и т. п. Очень важно, что производство (воспроизводство, исполнение, актуализация) и потребление (восприятие, функционирование) при этом как бы расщепляются на две самостоятельные сферы, вступающие в различные соотношения в разных слоях духовной культуры, материальной культуры и социальной организации. Ярчайший пример в этом смысле — фольклор и литература. Если в сфере фольклора исполнение и восприятие всегда одномоментны и осуществляются в рамках первичной формальной и неформальной социальной группы (семья, община, племя, соседи, родственники и т. п.) контактного характера, то писатель и читатель, общающиеся посредством письменно зафиксированного текста, могут быть отдалены друг от друга десятилетиями и сотнями километров¹¹.

Культурный дуализм, т. е. параллельное существование фольклорных и нефольклорных (или бытовых и «небытовых») форм, складывается постепенно и неравномерно в разных сферах жизни общества. В целом же его генезис связан с такими процессами, как социальная дифференциация, общественное разделение труда (и так называемое «отчуждение») и т. п., т. е. с формированием раннеклассового общества. Вместе с тем нарисованная в общих чертах картина сохраняется довольно устойчиво на протяжении всего периода феодализма. Поэтому эту стадию соотношения фольклорных и нефольклорных форм духовной культуры можно было бы называть, с большой долей условности, также «средневековой».

Мы не ставим перед собой задачи всесторонней характеристики этой стадии. Подчеркнем только, что для нее характерны также незавершенность процесса секуляризации духовной культуры, элитарность «профессиональных» форм (иногда даже письменность на «чужом» языке или языке, далеком от бытовых и локальных диалектов), слабость их воздействия на быт нижних социальных слоев и т. д.

Фольклор на этой стадии, как уже говорилось, перестает быть единственной сферой, порождающей словесные тексты, которые составляют культурную традицию этноса. Рядом с ним уже существуют литература,

¹⁰ J. Kristeva. La sémiologie comme science des idéologies.— «Semiotica», I, Paris, 1969.

¹¹ К. В. Чистов. Специфика фольклора в свете теории информации.— «Вопросы философии», 1972, № 6.

профессиональный театр, профессиональное изобразительное искусство, профессиональное ремесло и т. д. Архаический синкретический комплекс на этой стадии все более дифференцируется. Мы имеем в виду не только выделение религии, науки, литературы и т. д. в масштабах культуры этноса. Внутри самого фольклорного слоя культуры продолжается процесс жанровой дифференциации и, с другой стороны, формируются системы жанров, известные фольклористике по поздним записям. Выделяются жанры с доминирующей эстетической функцией (эпические песенные и прозаические формы, сказка, любовная песня и т. п.) и жанры, в которых эстетическая функция по-прежнему вторична (заклинания и заговоры, большинство жанров, связанных с производственными и семейными обрядами, большинство жанров несказочной прозы, трудовые, колыбельные песни, духовные стихи и т. п.). Последняя группа жанров сохраняет свою синкретическую структуру, сильные внетекстовые связи и традиционное доминирование какой-либо практической функции (информационной, познавательной, магической, обрядовой и т. д.). В этой группе жанров эстетическое качество возникает в связи со стремлением наилучшим образом осуществить ту или иную практическую функцию или по каким-то другим причинам эстетизировать ее.

По-видимому, именно на этой стадии в процессе формирования относительно более крупных по своему масштабу этнических общностей — феодального типа народностей — фольклорная традиция переживает сходное укрупнение и обобщение. Архаическая непрерывность и пестрота сменяются различными сочетаниями укрупненных ареалов, фольклорное наследие которых будет позже оценено как важнейшее достояние национальной культуры. Однако эти ареалы в своем развитии не достигают внутреннего единства. Формирование их сопровождается все еще продолжающимся процессом углубляющейся локальной и региональной дифференциации, неизбежной во всех сферах традиционной культуры, функционирующей в обществе, основанном на хозяйстве натурального типа. Фольклорные «диалекты», известные в XIX—XX вв., формируются именно в это время, перерабатывая предшествующую традицию в относительно стабильные системы, которые оказывают на дальнейшую историческую жизнь фольклора сильнейшее влияние.

Таким образом, фольклор на этой стадии: во-первых, перестает быть единственной формой духовной культуры, связанной с языком, хотя количественно в масштабах этноса еще и продолжает преобладать, так как в быту народных масс он по-прежнему играет важнейшую роль; во-вторых, постепенно теряет целый ряд своих традиционных функций, точнее — передает их литературе, профессиональному театру, профессиональному искусству (музыка, танец и т. д.). Новые функции, порожденные развитием общества, удовлетворяются теперь новыми формами, существующими параллельно с фольклором¹². В то же время в различных сферах деятельности даже верхних слоев общества на разных этапах этой стадии соотношение фольклорных и нефольклорных форм далеко не одинаково. Так, например, у большинства европейских народов на протяжении средних веков фольклором был пронизан не только быт крестьян, но и верхних слоев общества (дворянство, купечество). Следует также иметь в виду, что до изобретения книгопечатания количество рукописных копий любого литературного произведения было сравнительно незначительным. Однако и первые века типографского изготовления книг дали только небольшое (по современным масштабам) увеличение тиражей. Возможность массового распространения книг была практически реализована значительно позже, только с совершенствованием техники печати и, что еще важнее, с распространением массовой грамотности.

¹² Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 32—231.

Кроме того, в нижних социальных слоях фольклор продолжает существовать как целостная система, выражающая определенный, исторически унаследованный тип мышления (уже не просто архаический, но все еще «фольклорный», со значительными пережитками архаики и в целом не отрывающийся от архаической традиции), определенную традиционную эстетическую систему и т. д. Эта система претерпевает известную эволюцию, но вместе с тем устойчиво сохраняет свою целостность. Усваивая отдельные тексты, нефольклорные по своему происхождению, фольклорная среда перерабатывает их, решительно приспосабливая к традиции (в идеологическом, стилистическом и других отношениях) и традиционным (устным) способам функционирования. Если в профессиональных формах культуры мы постоянно встречаемся с теми или иными разновидностями «фольклоризма», то народный быт, как правило, знает только прямое (первичное) продолжение традиции. И наконец, несмотря на формирование более укрупненных ареалов, локальная дифференциация продолжает существовать, сопрягаясь с дифференциацией социальной (сословной).

Третья стадия соотношения фольклорных и нефольклорных форм духовной культуры исторически связана с периодом формирования и развития современных наций и современного национального самосознания. Отдельные этносы — европейские, американские, африканские, азиатские — вступают в эту стадию при весьма различных социально-политических, этнокультурных и этносоциальных условиях. В рамках настоящей статьи мы не можем рассматривать эти особенности. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что реальное соотношение современных фольклорных и нефольклорных форм может развиваться на принципиально различных основах — в условиях капиталистического и социалистического общества. Некоторые общие или сходные процессы (ликвидация массовой неграмотности, развитие системы образования, прессы, радио и других технических средств массовой коммуникации) приобретают при этом разное идеологическое и социальное содержание. Следовательно, если не иметь в виду промежуточных или переходных ситуаций, соотношение фольклорных и нефольклорных форм на третьей стадии может развиваться в двух основных вариантах, обусловленных социально-политической структурой и тенденциями развития общества в целом. Сравнительное изучение этих двух вариантов развития — одна из актуальных задач современной фольклористики. В настоящей статье мы касаемся только типологических проблем соотношения фольклорных и нефольклорных форм в системе духовной культуры.

На этой исторической стадии социальный ареал функционирования фольклорных форм продолжает сужаться, постепенно, но решительно. Возникают общенациональные формы языка и художественной культуры. Фольклорное наследие более или менее активно используется при их создании, однако подлинная однородность (гомогенность) духовной культуры этноса развивается не в фольклорной сфере, а в сфере профессиональных форм литературного, музыкального, театрального и т. д. творчества, подобно тому как общенациональный язык развивается как письменный литературный язык.

Для этой стадии характерно не только дальнейшее ограничение поля действия фольклорных форм, но и нарастающее проникновение профессиональных форм в быт нации через школу, книгу, периодическую печать, кино, радио, телевидение, звуковоспроизводящие механизмы и т. д. Следует подчеркнуть, что при чрезвычайно широком распространении письменных форм в условиях массовой грамотности получают развитие устные (точнее, аудиальные и аудиовизуальные) прямые и технические формы (каналы) нефольклорного характера — радио, телевидение, кино, проигрыватели, магнитофоны и т. д., которые используются, в частности,

и для трансмиссии словесно-художественных текстов как литературного, так и фольклорного происхождения.

Таким образом, происходит смена коммуникативного механизма. Прямые и живые контакты (face to face communication, direkte Kommunikation), разумеется, продолжают существовать, однако роль технически опосредствованных контактов непрерывно нарастает. Образуется сеть над (= супер) контактных связей, которая охватывает целые регионы земного шара. Характерно, что сила и размах горизонтальных связей (синхронная коммуникация между современниками) значительно увеличиваются, вертикальные же связи (межпоколенная трансмиссия культуры, традиция) во всех сферах культуры охватывают теперь уже крупномасштабные социальные общности — современные этносы. При этом как вертикальные, так и горизонтальные связи первичных социальных групп (семья, родственники, соседи, производственный коллектив) явно перекрываются современной сетью надконтактных связей, играют все меньшую роль в процессе трансмиссии и аккумуляирования культуры.

Было бы неверно считать, что фольклор при этом не играет никакой роли. При общем и все более решительном доминировании нефольклорных форм фольклорное наследие именно в этот период оценивается как одно из наиболее ценных достояний национальной культуры. Это приводит к формированию фольклористики как науки. Именно в это время многие фольклорные произведения, имевшие ранее сравнительно ограниченное локальное бытование, приобретают общенациональное признание и общенациональное распространение. Однако это не свидетельствует еще о процессах обобщения фольклорной традиции в общенациональных масштабах в рамках самой этой традиции.

К сожалению, этот вопрос недостаточно исследован. Этнографы, изучающие материальную культуру, хорошо знают, что ареалы как отдельных элементов, так и целых комплексов не совпадают не только с границами локальных (этнических и этнографических) групп, но и с этническими границами. Для явлений духовной культуры, связанных с языком, к числу которых принадлежит и фольклор, большое значение в этом смысле имеет языковой барьер. Однако его историко-фольклорный смысл и влияние на различные формы распространения фольклорных явлений выяснены еще далеко недостаточно (ср. различные соотношения в условиях контакта родственных и неродственных языков, традиционных союзов языков и новых контактов, так называемой лингвистической непрерывности и резкого перехода к другому языку, при развитом и неразвитом двуязычии, в городских и сельских условиях, при конфессиональных и социальных различиях и т. д.). В целом же ясно, что, как и в сфере материальной культуры, локальные различия в фольклорной сфере все более и более размываются. Подобно тому как литературный язык перекрывает, а затем вытесняет диалекты и играет все большую роль в процессе этнокультурной консолидации современной нации (этноса), так и в фольклорной сфере вырабатывается значительно большая, чем прежде, однородность репертуара в масштабах всего этноса. Однако эти процессы могут развиваться здесь только до определенного предела.

Разумеется, в процессе формирования современных наций и народностей вырабатываются некоторые существенные общие черты национального фольклорного репертуара. Однако он по-прежнему заметно варьирует в рамках традиционных «диалектных» зон, нередко образуя специфические ареалы, не вписывающиеся в этнические границы или не покрывающие всю этническую территорию. Так, например, русские былины, воспринимающиеся как важнейшее национальное достояние, бытовали в обозримый период только в некоторых районах расселения русских. То же самое можно сказать об армянском эпосе «Давид

Сасунский», о болгарских и сербских эпических песнях, о карельском эпосе и т. п. В то же время, например, фольклор украинских Карпат, обладая рядом черт, свойственных и другим областям Украины, образовал вместе с фольклором польских гуралей, восточных словаков, венгров и румын специфический карпатский фольклорный ареал. Нартский эпос был распространен у ряда народов Северного Кавказа и у абхазов, расселенных на восточном берегу Черного моря. Свадебные причитания были распространены у русских и у ряда финно-угорских народов Восточной Европы (карелы, эстонцы-сету, ижора, коми, мордва). Специфические формы святочного колядования и термин «коляда» были распространены у славян, народов Прибалтики, мордвы, румын, венгров.

Одним словом, фольклор даже в период национального развития — впрочем, так же, как и большинство явлений традиционной материальной культуры, — не вырабатывает еще внутреннее единство и однородность в масштабах и границах всего этноса; отдельные фольклорные явления и формы не распространены равномерно по всей этнической территории и во всех социальных слоях.

В конечном счете только нефольклорные способы трансмиссии могут придать отдельным фольклорным произведениям общенациональный масштаб функционирования, который приходит на смену весьма относительному вариационному единству, наблюдавшемуся в прошлом.

При этом фольклорные произведения не только теряют традиционные локальные различия и расширяют свой социальный ареал, но и перестают варьироваться, и наконец, что очень важно, приобретают нетрадиционный контекст (небытовой, необрядовый, сценический, профессионально-исполнительский, книжный, связанный с другими техническими средствами массовой коммуникации и т. д.) и тем самым не свои собственные им раньше значения, структуру и функции.

Различные жанры претерпевают различные изменения, но в целом можно говорить о потере традиционных внетекстовых связей и о преимущественном развитии эстетической и этнической функций за счет всех остальных. Включаясь в систему современной духовной культуры, в которой доминируют нефольклорные формы, фольклор приобретает вторичный характер («фольклоризм»). При этом этническая специфика становится, как правило, условной и символической (или знаковой). Это не означает обязательного эстетического и идеологического обесценивания (хотя бывает и так). Осуществляется процесс отбора, обобщения и включения обособленных явлений в общенациональную традицию. Конкретные формы и масштабы «фольклоризма» зависят от многообразных причин: силы и характера фольклорной традиции этноса к началу третьей стадии, темпа и социальной природы самого процесса урбанизации, опыта усвоения фольклорной традиции профессиональной литературой и искусством на предшествующей стадии развития, исторического возраста письменности данного этноса и, разумеется, от социальных условий развития «фольклоризма», который может приобретать сугубо рыночный и спекулятивный (туристско-сувенирный, стилизаторский и т. п.) или принципиально идеологический характер¹³.

Итак, на третьей стадии соотношения фольклорных и нефольклорных форм в системе духовной культуры у различных народов в разной мере продолжается бытование фольклора в традиционных формах, но

¹³ См. из работ последних лет: J. Burszta. Kultura ludowa — Kultura narodowa. Poznań, 1974; К. В. Чистов. Проблема «вторичных» форм в фольклористике и этнографии. — «Расы и народы», V. М., 1975, с. 32—41; В. Е. Гусев. Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов. — «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977, с. 127—136; его же. Фольклор в системе современной культуры славянских народов. — «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляны, сентябрь 1978. Доклады советской делегации». М., 1978, с. 283—298; «Der Folklorismus einst und jetzt. Vorträge». Kecskemét, 1978.

в целом большинство фольклорных жанров постепенно изживается, затухает или функционирует как явления вторичного характера. Подобным вторичным формам придается подчас общенациональное значение, обобщенный или символический смысл. Смена механизма трансмиссии приводит не только к сосуществованию фольклорных и нефольклорных форм, но и к их смешению, возникновению полуфольклорных и полулитературных явлений и, еще чаще, к функционированию гетерогенных коммуникативных цепочек (например, певец — запись на магнитофон — письменная фиксация — устное исполнение; сказочник — запись на магнитофон — публикация записи в книге — чтение вслух — устное рассказывание и т. д.). Все отмеченные выше процессы, как уже говорилось, приобретают специфические черты и особенности в различных социально-политических условиях (капиталистическое и социалистическое общество), в разных этносоциальных и этнокультурных ситуациях.

Высокая оценка фольклора, формирование фольклористики как науки, развитие различных форм фольклоризма — все это сопровождается вместе с тем нарастающим выветриванием и нивелировкой не только этнической специфики духовной культуры, но и самого фольклора. В странах, уже утративших свою фольклорную традицию, предпринимаются попытки возродить ее (регенерировать) в искусственных формах. Однако это не может остановить или повернуть вспять естественное течение историко-культурного процесса.

Прогресс всегда сопровождается потерями. Это неизбежно. Однако фольклористы, литераторы, музыканты, все деятели современной культуры должны заботиться о том, чтобы не потерять подлинные эстетические ценности — ничего из того, что может быть включено в сокровищницу современной национальной и мировой культуры. Это особенно актуально для тех народов, у которых еще жива фольклорная традиция либо она была жива в непосредственном и недавнем прошлом, отделенном от нас одним или двумя-тремя поколениями, и мы еще можем зафиксировать, сохранить и исследовать ее живые отголоски.

FOLKLORE AND ETHNIC CULTURE

The problem examined in the paper is that of the function and place of folklore in the system of an ethnos's intellectual culture at different stages of its development. In conformance with the tradition of Soviet folklore study, the term folklore is applied to the aggregate of verbal texts comprised in the oral everyday life tradition of an ethnos or of some local, professional, social or other group.

The author distinguishes three stages in the interrelation between folklore and non-folklore forms of intellectual culture: a) the archaic stage characterized by the universal role of folklore (all forms of intellectual culture having to do with language belong to folklore) and a syncretic interweaving of folklore with other branches of intellectual culture; b) the post-syncretic stage or the stage of cultural dualism characterized by the parallel existence of folklore and non-folklore forms (literature, the theatre, etc.) having to do with language; c) the post-dual stage characterized by the contraction of the social area of folklore and the increasing penetration into the ethnos's life of professional culture forms. A change occurs not only in the values orientation but also in the communicative apparatus used by the ethnos. At the same time folklore becomes recognized as a most valuable national heritage.

At the last, third stage the interrelation between folklore and non-folklore forms may evolve in two variants and in basically different ways under conditions of capitalist and socialist society.
